

Проверено 1901 г.

МАЙ 2008

Из кабинета
государственных наук

от автора № 6

А. А. Жилихъ.

ПРОВЕРЕНО
2000 г.

НАУЧНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ТРУДЫ

ПРОФЕССОРА

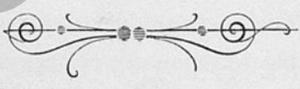
А. В. РОМАНОВИЧА-СЛАВАТИНСКАГО.

58286 н. кн. нр

7039.

Докладъ, прочитанный въ собраніи Кіевскаго Юридическаго Общества
18-го Сентября 1910 г.

СЛОВО

1-ый Ленинградский
Юридический Институт
БИБЛИОТЕКА

КІЕВЪ.

Типографія Императорскаго Университета Св. Владиміра Акц. О-ва
печ. и издат. дѣла Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская ул. № 6.
1911.

Печат. по опредѣленію Совѣта Императорскаго Университета Св. Владиміра.
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій.

„Научная дѣятельность и труды проф. А. В. Романовича-Славатинскаго“.

„Докладъ, прочитанный въ собраніи Кіевского Юридическаго Общества
18-го сентября 1910 г.“.

25-го августа текущаго года скончался одинъ изъ старѣйшихъ членовъ юридическаго факультета Университета Св. Владиміра, заслуженный ординарный профессоръ по кафедрѣ государственнаго права Александръ Васильевичъ Романовичъ-Славатинскій. Покойный происходилъ изъ старинной малороссійской дворянской семьи. Родился онъ 3-го іюля 1832 года въ селѣ Войтовѣ Переяславскаго уѣзда Полтавской губерніи. Первоначальное образованіе до 12 лѣтъ получилъ дома, а въ 1844 году поступилъ во 2-й классъ нѣжинской гимназіи, которую окончилъ въ 1850 г. Поступивъ потомъ на юридическій факультетъ университета Св. Владиміра, онъ окончилъ послѣдній въ 1855 г. со степенью кандидата законовѣдѣнія. 4-го іюня 1856 г. юридическій факультетъ, озабочиваясь вопросомъ о замѣщеніи каѳедры государственныхъ законовъ, ставшей вакантною за смертью проф. Вигуры, рѣшилъ рекомендовать совѣту университета поручить чтеніе лекцій по этой каѳедрѣ А. В. Романовичу-Славатинскому. Въ слѣдующемъ году А. В. былъ назначенъ старшимъ учителемъ Кіевской 1-й гимназіи и откомандированъ въ университетъ для чтенія лекцій подъ наблюденіемъ и руководствомъ декана юрид. факультета проф. Иванішева. Въ 1859 году А. В. выдержалъ магистерскій экзаменъ и защитилъ диссертацию на степень магистра государственнаго права подъ названіемъ

„Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра В. до учрежденія губерній въ 1775 г.“ и былъ назначенъ адъюнктомъ. Въ 1860 г. онъ былъ на два года командированъ за границу и занимался главнымъ образомъ въ Берлинѣ, Гейдельбергѣ, Женевѣ, Парижѣ и Лондонѣ, слушая свѣтилъ тогдашней юриспруденціи въ области публичнаго права: Моля, Шталя, Гнейста, Блюнчли, Лабулэ и др. Въ 1862 г. А. В. былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ, а въ 1870 г. защитилъ диссертацию на степень доктора государственнаго права, озаглавленную „Исторія дворянства въ Россіи отъ начала XVIII вѣка до отмены крѣпостнаго права“ и былъ назначенъ ординарнымъ профессоромъ. Кромѣ лекцій по государственному праву А. В. читалъ временно, по порученію факультета, курсъ „исторіи философіи права“, а также цѣлый рядъ лѣтъ несъ обязанности секретаря, а затѣмъ декана юридическаго факультета.

Тяжкая болѣзнь заставила А. В. въ 1902 г. прекратить свою почти полувѣковую научную дѣятельность. Нѣсколько разъ и послѣ того онъ пытался читать лекціи, но, лишившись зрѣнія и разбитый подагрой, долженъ былъ отказаться отъ этого. Однако, до послѣднихъ дней жизни онъ не переставалъ интересоваться наукой, слѣдилъ за новыми сочиненіями въ своей спеціальности, слѣдилъ за событіями нашей политической и академической жизни, иногда откликаясь на нихъ статьями и замѣтками.

Главными научными трудами А. В. являются его „Исторія губернскаго управленія“ и особенно „Исторія дворянства“, сдѣлавшая ему имя въ наукѣ. Въ настоящее время обѣ эти работы нѣсколько устарѣли. Открыто много новыхъ источниковъ, касающихся вопросовъ въ нихъ изслѣдуемыхъ, наука обогатилась нѣсколькими новыми трудами. Но тѣмъ не менѣе труды А. В. извѣстной цѣнности не лишились, особенно работа о дворянствѣ. Это видно хотя бы изъ того, что новѣйшій изслѣдователь этого вопроса проф. баронъ Корфъ въ сочиненіи своемъ „Дворянство и его сословное управленіе за столѣтіе 1762—1855“, вышедшемъ въ С.П.Б. въ 1906 г., неоднократно дѣлаетъ ссылки на книгу А. В., не разъ примыкая къ его взглядамъ.

Прежде чѣмъ приступить къ краткому разсмотрѣнію и оцѣнкѣ этихъ двухъ книгъ, необходимо сказать нѣсколько словъ о состояніи нашей науки государственнаго права ко времени ихъ появле-

нія. Это уяснить намъ ихъ происхождение и значеніе и сдѣлаетъ очевидной заслугу ихъ автора. Русское государствовѣдѣніе въ 60—70-хъ годахъ только что зарождается, только что перестаетъ быть наукой государственныхъ *законовъ* и становится наукой государственнаго *права*. Въ то время на русскомъ правовѣдѣніи вообще сильно отразилось вліяніе знаменитой германской исторической школы права—ученій Савиньи, Пухты и ихъ послѣдователей. Извѣстнѣйшіе наши юристы, какъ Мейеръ, Неволинъ и нѣкот. друг., получили довершеніе своего образованія въ Германіи подѣ непосредственнымъ руководствомъ Савиньи. Они принесли съ собой въ наши университеты духъ историзма и позитивизма, который, благодаря проф. Неволину, особенно укоренился въ Университетѣ Св. Владиміра. Но первые наши государствовѣды и помимо этого должны были сдѣлаться историками. Понять, осмыслить дѣйствующія учрежденія нельзя было, не имѣя свѣдѣній о зарожденіи и развитіи ихъ. Предшественниковъ у этихъ пионеровъ русской государственной науки почти не было. Приходилось самимъ и собирать матеріаль, и дѣлать выводы, изслѣдовать исторію и строить систему, догму русскаго государственнаго права. Когда русскій государствовѣдъ вспоминаетъ основателей роднаго государственнаго права, онъ не можетъ не остановиться прежде всего на 4-хъ именахъ: Градовскаго, Андреевскаго, Чичерина и Романовича-Славатинскаго. Главныя работы всѣхъ этихъ ученыхъ были историческаго характера.

Увлеченный какъ общимъ направленіемъ научной мысли, такъ и неотложными потребностями русской науки, А. В. и посвятилъ свои силы на изслѣдованіе исторіи государственныхъ учреждений Россіи.

Первая работа, „Историческій очеркъ губернскаго управленія отъ первыхъ преобразованій Петра В. до учрежденія губерній въ 1775 г.“ возникла, по признанію самого автора, подѣ непосредственнымъ вліяніемъ знаменитаго труда Б. Н. Чичерина „Областное управленіе въ Россіи въ XVII вѣкѣ“. А. В. хотѣлъ выполнить въ отношеніи дальнѣйшей исторіи нашихъ областныхъ учреждений то, что было такъ успѣшно и талантливо сдѣлано Чичеринымъ для предшествовавшей эпохи. Но трудность задачи, особенно относительно собиранія источниковъ, заставила его ограничиться лишь изслѣдованіемъ исторіи высшихъ „губернскихъ“ учреждений.

Главная мысль, красной нитью проходящая через всю работу, состоитъ въ томъ, что авторъ взятую имъ эпоху понимаетъ и разсматриваетъ, какъ эпоху переходную отъ фискальнаго и военнаго управленія 17-го столѣтія къ гражданскому и благоустройственному новаго времени. Устроивъ свое хозяйство, укрѣпивъ свою военную силу, правительство въ 18 вѣкѣ начало заботиться о благосостояніи народа. Но сдѣлать это при посредствѣ самого народа оно не могло, ибо всей предшествовавшей системой управленія общество русское было раздроблено и совершенно приведено къ неспособности самоуправленія. Екатерина II вѣрно о немъ сказала, что въ немъ каждый жилъ лишь для себя, не помышляя о благѣ общемъ. Пришлось обратиться къ административной опека и къ бюрократіи, какъ средству проведенія идей правительства въ жизнь. Бюрократія же склонна къ злоупотребленіямъ, если не сдерживается контролемъ. Поэтому должно быть строгое подчиненіе ея центру. И вотъ, въ отличіе отъ бюрократической децентрализаціи 17-го вѣка, слагается въ 18 вѣкѣ тотъ централизованный строй администраціи, который съ нѣкоторыми частными измѣненіями живетъ у насъ и понынѣ. Этому строю соответствовали и преобладавшія въ 18 столѣтіи теоріи мѣстнаго самоуправленія.

Полемизируя съ Чичеринымъ по поводу стремленія послѣдняго укрѣпить возможно сильнѣе общегосударственныя начала въ нашей администраціи, А. В. склоняется болѣе на сторону англійской системы мѣстнаго управленія и ученій извѣстныхъ французскихъ писателей—Токвилля и Вивьена, защищавшихъ начала децентрализаціи и стоявшихъ за широкое развитіе самодѣятельности общества въ мѣстной администраціи.

Книга распадается на введеніе, посвященное выясненію основныхъ идей работы, и трехъ главъ: 1) Общій взглядъ на развитіе областного управленія въ 18 вѣкѣ, 2) Административное дѣленіе и 3) Устройство управленія губернскаго. Послѣдняя глава наиболѣе обширная и интересная.

Книга написана тѣмъ легкимъ литературнымъ языкомъ, которымъ всегда отличались работы А. В., любившаго хорошее изложеніе и жаловавшагося на то, что многіе изъ русскихъ ученыхъ, ловко работая на своемъ специальномъ техническомъ жаргонѣ, забываютъ языкъ Пушкина, Гоголя и Тургенева.

„Эпоха 18-го столѣтія представляет несомнѣнный интересъ говорить авторъ; посреди обстановки 18-го столѣтія слагались наши общественные нравы, вырабатывались коренныя основы нашей административной системы, обусловливавшія ея своеобразное устройство. Здѣсь вырабатывалась административная централизація, слагалась правительственная опека. Постепенно изъ блюстителя интересовъ казны областной правитель превращался въ хозяина и опекуна губерніи, съѣзжая изба преобразовывалась въ губернскую канцелярію, изъ которой составились затѣмъ палаты; не вполне опредѣлившійся порядокъ дѣлопроизводства замѣнялся сложной канцелярской процедурой. Въ 18 столѣтіи выработалась большая часть тѣхъ административныхъ формъ, которыя существуютъ и нынѣ“.

До Петра В. въ русской администраціи не было опредѣленно, точно разграниченныхъ инстанцій и спеціализаціи дѣлъ. Приказы, органы центрального управленія, нерѣдко управляли и отдѣльными мѣстностями и при томъ во всѣхъ отношеніяхъ. Судъ и администрація были слиты въ приказахъ и въ мѣстныхъ учрежденіяхъ. Намѣстники и воеводы имѣли въ разныхъ мѣстностяхъ разныя полномочія; многое зависѣло отъ времени, лицъ, обстоятельствъ. Петръ, желая внести въ управленіе извѣстную систему и слѣдуя во многомъ шведскимъ порядкамъ, устанавливаетъ раздѣленіе учреждений на центральныя-коллегіи и различные мѣстные органы, отдѣляетъ власть гражданскую отъ военной, правительственную отъ судебной и отъ финансовой.

Онъ стремится къ правильному повсемѣстно-однообразному раздѣленію государства на мѣстные административные районы: губерніи, провинціи и уѣзды. Во главѣ губерній были поставлены начальники, носившіе названіе то генераль-губернаторовъ, то губернаторовъ, то вице-губернаторовъ. Соотношеніе этихъ названій не было точно опредѣлено въ зависимости отъ занимаемыхъ лицами ихъ носившими тѣхъ или иныхъ мѣстъ. Обычно въ губерніяхъ наиболѣе важныхъ, напр. Московской, Кіевской, были лица съ рангомъ генераль-губернатора. Хотя напримѣръ былъ случай, что кн. Юсуповъ управлялъ Московской губерніей, называясь вице-губернаторомъ. Типъ генераль-губернаторской должности, какъ поставленной во главѣ нѣсколькихъ губерній, начинаетъ понемногу слагаться къ концу этого періода.

Начальники губерній управляли ими, слѣдую коллекіальному началу, проводимому Петромъ въ нашу администрацію, совместно съ товарищами, сначала коллекіями ландратовъ, а потомъ особыми совѣтниками, числомъ 2. При нихъ находилась канцелярія, раздѣлявшаяся на присутствіе и собственно канцелярію изъ писцовъ и чиновниковъ. Присутствіе, окончательно сложившись, состояло изъ губернатора, вице-губернатора, 2 хъ совѣтниковъ и губернскаго прокурора, какъ органа правительственнаго надзора на мѣстахъ. Различныя палаты губернскаго позднѣйшихъ временъ суть ни что иное, какъ разбитая на части губернская канцелярія 18-го вѣка. Въ ней тогда сосредоточивались: судъ, полиція, дѣла общественнаго призрѣнія, продовольствія и здравія. Попытка Петра отдѣлить судъ отъ управленія и создать особые мѣстные финансовыя органы не удалась, и всѣ эти задачи были постепенно переданы губернской канцеляріи. Сложность дѣлопроизводства, и связанная съ этимъ медленность теченія дѣлъ побуждали начальника губерніи нерѣдко дѣйствовать своей властью; болѣе щекотливыя дѣла часто возлагались правительствомъ на него лично. Сильный его довѣріемъ, онъ начинаетъ возвышаться надъ другими мѣстными органами. Коллекіальное начало все болѣе и болѣе колеблется къ концу этого періода.

Таково вкратцѣ содержаніе первой работы А. В. Относительно выводовъ ея кое въ чемъ можно не соглашаться, относительно группировки матеріала, неполноты его и недостаточно широкаго пользованія сравнительнымъ методомъ можно пожалуй сдѣлать ему кой-какіе упреки, но не надо забывать, что онъ былъ однимъ изъ первыхъ, работавшихъ въ этой области, что онъ шелъ по совершенно непроторенной еще дорогѣ. Трудъ былъ не изъ легкихъ по неимѣнію многихъ источниковъ и руководящихъ началъ. Ошибки и недочеты были вполне извинительны.

Исслѣдованіе почти все построено на Полномъ Собраніи Законовъ. Цитатами изъ него пестрятъ примѣчанія. Двѣ три ссылки на Чичерина и на иностранныхъ ученыхъ по общимъ вопросамъ — и все. Но, правду сказать, при тогдашнемъ состояніи нашей науки больше мало на что можно было и сослаться въ данномъ вопросѣ. Въ частности относительно мысли автора о неспособности общества къ самоуправленію въ 18 вѣкѣ, какъ одной изъ коренныхъ причинъ развитія у насъ бюрократической централизаціи, слѣдуетъ замѣтить, что это врядъ ли вполне справедливо. Вѣрнѣе, что здѣсь болѣе вліяли идеи „полицейскаго государства“, такъ сильно рас-

пространенныя въ то время въ Западной Европѣ, идеи, подѣ влияніемъ которыхъ Петръ I и его пріемники окончательно добились самодѣятельность общественную, правда уже ко времени Петра влчавшую довольно жалкое существованіе во образѣ доживавшихъ свой вѣкъ губныхъ и земскихъ учреждений.

Гораздо болѣе значенія въ наукѣ, чѣмъ эта первая работа, имѣетъ докторская диссертация А. В.: „Исторія дворянства въ Россіи отъ начала 18 вѣка до отмѣны крѣпостного права“. „Замѣчательную по своему времени, полную свѣжихъ взглядовъ и новыхъ фактовъ книгу Романовича—Славатинскаго не просто читали въ 70—80-хъ годахъ, говорилось въ одной изъ статей газеты „Утро Россіи“ по поводу смерти А. В., ее изучали съ любовью и уваженіемъ. Не было въ указанное время ни одного сколько нибудь интеллигентнаго студента, кто не зналъ бы ее досконально и не могъ бы процитировать главные ея выводы“. И въ самомъ дѣлѣ, для той эпохи, того состоянія русской науки, появленіе подобной книги, разсматривавшей съ возможной полнотой, на основаніи точно проверенныхъ данныхъ исторію главнаго нашего сословія, столь тѣсно связанную со всей исторіей нашего общественнаго и государственнаго быта, и при томъ написанной увлекательно, по прекрасной системѣ и дающей рядъ глубокихъ, вѣрныхъ и совершенно новыхъ выводовъ, было поистинѣ эпохой. И здѣсь А. В. явился совершенно самостоятельнымъ, и здѣсь онъ работалъ на невоздѣланной никѣмъ еще нивѣ. Убѣжденный въ необходимости сочетать въ своемъ изслѣдованіи юридическую и официальную сторону разсматриваемаго института съ исторической и бытовой, онъ пользовался въ качествѣ источниковъ Полнымъ Собраніемъ Законовъ, мемуарами, какъ русскихъ, современниковъ описываемыхъ событій, такъ и иностранцевъ, путешествовавшихъ по Россіи въ изслѣдуемую историческую эпоху, нѣкоторыми матеріалами изъ родовыхъ дворянскихъ архивовъ и нѣсколькими историческими монографіями, могшими быть ему полезными по близости къ изучавшимся вопросамъ. Главнымъ источникомъ было П. С. З. Изъ него авторъ съ неутомимымъ прилежаніемъ извлекъ все или почти все касавшееся его темы, освободивъ тѣмъ послѣдующихъ ученыхъ, желающихъ заняться ею, отъ массы кропотливой работы. Менѣе воспользовался онъ различными мемуарами, что и самъ сознавалъ, извиняясь невозможностью достать многіе, работая въ провинціи, и недо-

вѣрностью ихъ во многихъ отношеніяхъ. Наконецъ архивный матеріаль привлеченъ совсѣмъ въ небольшомъ количествѣ, и это самая слабая сторона работы. Его слѣдовало бы или не касаться вовсе или уже много и долго рыться въ различныхъ его хранилищахъ. Но тогда мы можетъ быть никогда не увидали бы появленія интересной книги А. В. Данна, извлеченныя изъ сокровищницы П. С. З., были все же настолько разносторонни, охватывая и юридическую и бытовую сторону жизни нашего дворянства, что и на ихъ главнымъ образомъ основаніи при служебномъ, подчиненномъ значеніи другихъ источниковъ, автору удалось нарисовать правдивую и интересную исторію и дать многому объясненіе. Сознывая невозможность первому же изслѣдователю вполнѣ охватить вопросъ и не обладая многими матеріалами для безупречно полного разсмотрѣнія и анализа разбираемаго института, авторъ скромно назвалъ свою работу „пріуготовительными этюдами“, „сводомъ матеріала“. Но наряду съ массой важныхъ фактическихъ данныхъ, цѣннаго матеріала, собраннаго съ большой любовью къ дѣлу и большимъ трудомъ, онъ нарисовалъ рядъ яркихъ бытовыхъ картинъ, далъ рядъ мастерскихъ обобщеній и глубокихъ выводовъ, изъ которыхъ многіе, перейдя въ учебныя пособия, стали крѣпкимъ цѣннымъ достояніемъ русской исторіи государственнаго права.

Основная идея проводимая въ работѣ состоитъ въ томъ, что русское дворянство, въ противоположность западно-европейскому феодальному дворянству, вышедшему изъ средневѣковаго рыцарства и свое положеніе основывавшему на договорныхъ началахъ и контрактныхъ отношеніяхъ къ государственной власти, есть всецѣло продуктъ дѣятельности правительства, что у насъ дворянство всегда было установленіемъ политическимъ, существовавшимъ и видоизмѣнявшимся сообразно цѣлямъ и потребностямъ правительства. Этимъ наше „служилое“ дворянство отличается отъ „феодально-землевладельческой“ аристократіи Западной Европы. Наша идея „благородства“ основана на службѣ государству и народу русскому и на пожалованіи самодержцами, западно-европейская—основана на крови, на контрактѣ съ государственной властью. Эта главная мысль работы блестяще доказана авторомъ рядомъ неопровержимыхъ фактовъ. Задачей автора является показать „какъ устанавливалась привилегированность дворянства и какъ пользовалось оно своими привилегіями во благо націи и государству?“ Эпоха—отъ начала 18-го

вѣка до отмѣны крѣпостного права—выбрана авторомъ потому, что она представляетъ собой какъ бы замкнутый особый періодъ въ жизни высшаго сословія въ Россіи. Именно въ это время является дворянство какъ сословіе, тогда опредѣляются постепенно личныя и корпоративныя его права. Съ манифеста 19-го февраля 1861 г. начинается новая эра въ исторіи дворянства въ связи съ рядомъ другихъ реформъ царствованія императора Александра II. Здѣсь, на этой грани авторъ останавливаетъ свое изложеніе. Работа распадается на предисловіе, гдѣ излагаются задачи и методъ изслѣдованія и на 5 главъ. Въ первой главѣ мы находимъ разсмотрѣніе того, какъ образовывалось дворянство и какъ вырабатывалась въ немъ идея благородства, а также, какіе элементы въ него вошли; во второй—какія повинности и службы оно несло, какъ за нихъ вознаграждалось и какъ постепенно освобождалось отъ нихъ; въ третьей—каковы были разныя личныя права дворянъ; въ четвертой, весьма интересной съ бытовой точки зрѣнія, дается исторія развитія правъ дворянъ на владѣніе крѣпостными; наконецъ пятая посвящена изложенію исторіи корпоративныхъ сословныхъ дворянскихъ привиллегій. Предметъ, какъ можно видѣть, охваченъ полно, со всѣхъ сторонъ. Подчасъ авторъ впадаетъ даже въ слишкомъ мелочныя подробности въ изложеніи отдѣльныхъ вопросовъ.

Въ работѣ звучитъ несомнѣнно публицистическая струнка. На основаніи прошлаго быта, показавъ рядъ злоупотребленій дворянъ дарованными имъ правами и особенно крѣпостнымъ правомъ, авторъ какъ бы стремится предостеречь отъ возврата хотя бы шагъ назадъ къ пережитому укладу юридическихъ отношеній, о чемъ были толки во время появленія разбираемой книги. Онъ хочетъ, чтобы всѣ граждане государства: простые и благородные равно служили своей родинѣ, не будучи одни въ опеку у другихъ, какъ бы ни назвать, какъ бы ни обставить эту опеку. Но напрасно нѣкоторые критики его труда старались показать, что изслѣдованіе это было какъ бы сатирой на наше дворянство, что авторъ желалъ здѣсь указать, что русское дворянство всегда и во всемъ было недостойно своихъ привиллегій, всегда употребляло ихъ на зло государству и націи и лишь въ своихъ выгодахъ. „Наше дворянство со всѣми его дурными и хорошими качествами было продуктомъ исторіи нашего же общественнаго строя, говоритъ онъ, и было неповинно въ винахъ своихъ“. Описывая темныя стороны въ исторіи того класса, къ ко-

тому самъ принадлежалъ и многія изъ качествъ котораго несомнѣнно были ему присущи, онъ, подобно великому нашему художнику слова Гоголю въ его „Мертвыхъ душахъ“, искалъ лишь бытовой и исторической правды; и эти темныя стороны не могли вызвать у него сарказмовъ. Онъ горячо любилъ родную исторію, родной быть и, скорбя о темнотѣ и неправдѣ, выводилъ ихъ на свѣтъ, не забывалъ и свѣтлыхъ явленій (напримѣръ готовности дворянъ жертвовать жизнью за родину и того, что дворянская именно среда дала Россіи рядъ самыхъ свѣтлыхъ и великихъ именъ среди ея государственныхъ и общественныхъ дѣятелей), и самымъ изложеніемъ темнаго онъ стремился пробить дорогу къ лучшему, болѣе свѣтлому будущему.

Не останавливаясь на болѣе или менѣе подробномъ изложеніи содержанія работы, укажемъ лишь главныя ея мысли. Въ разсматриваемой имъ эпохѣ исторіи дворянства А. В. различаетъ два періода: первый до манифеста Петра III 18-го февраля 1762 г. и второй отъ этого манифеста до освобожденія крестьянъ. Хотя Петръ Великій и создалъ у насъ изъ прежнихъ „царскихъ чиновныхъ людей“ разныхъ ранговъ особый классъ шляхетства, но первоначально классъ этотъ имѣлъ еще вполне крѣпостной характеръ. Шляхетство было прикрѣплено государству и было обязано ему вѣчной пожизненной службой. Подъ этимъ условіемъ оно вознаграждалось помѣстьями и ему „въ крѣпость“ давались крестьяне. Но постепенно Западно-Европейскія идеи благородства усваиваются и нашимъ шляхетствомъ. Оно начинаетъ стремиться къ привиллегіямъ, что особенно ярко сказалось въ безгосудареву эпоху, эпоху призванія на престолъ Анны Иоанновны. Второй періодъ, начиная съ 1762 г., является періодомъ, когда дворянство уже становится „привилегированнымъ сословіемъ“, когда постепенно оно начинаетъ получать личныя и корпоративныя права, окончательно за нимъ закрѣпленныя въ 1785 г. жалованной грамотой дворянству, этой великой хартіей вольностей русскаго дворянства. Владѣніе крѣпостными крестьянами, становясь исключительной привилегіей дворянъ и не обуславливаясь уже обязательной службой послѣднихъ государству, получаетъ частно-правовой характеръ. Авторъ высказываетъ при разсмотрѣніи развитія дворянскихъ правъ весьма интересную и, кажется намъ, вѣрную мысль. Черезъ идею дворянскихъ личныхъ привиллегій водворилась постепенно въ нашемъ обществѣ

идея „лица“, гражданина, котораго нельзя безъ суда и вопреки закону лишить его правъ. Будучи первоначально усвоена въ примѣненіи къ верхамъ общества, идея эта стала легче доступна распространенію и на всѣ прочіе его классы.

Надолго еще эта замѣчательная книга останется украшеніемъ науки—исторіи русскаго государственнаго права. Работа надъ ней автора была кропотлива, трудъ дологъ, результаты оказались достойными труда, матеріалъ сгруппированъ удачно, выводы поучительны.

Кромѣ разсмотрѣнныхъ двухъ работъ проф. Славатинскій оставилъ еще нѣсколько изслѣдованій большей частью историческаго характера. Имъ написана превосходная монографія „Жизнь и дѣятельность проф. Иванишева, ректора университета Св. Владиміра и вице-предсѣдателя кievской археологической комиссіи“, гдѣ, повѣствуя о судьбѣ и работахъ бывшаго своего учителя, а потомъ сослуживца, авторъ даетъ много цѣннаго матеріала для исторіи Кіевскаго университета вообще въ первыя десятилѣтія его существованія, матеріала, являющагося прекраснымъ дополненіемъ къ двумъ солиднымъ историческимъ изслѣдованіямъ о нашемъ университетѣ профессоровъ Шульгина и Владимірскаго-Буданова.

Какъ бы продолженіемъ этой работы являются его автобіографическія замѣтки „Моя жизнь и академическая дѣятельность“, напечатанныя въ журналѣ „Вѣстникъ Европы“ за 1903 г. Они охватываютъ жизнь университета за 50, 60 и 70-е годы. Талантливое изложеніе вызываетъ большой интересъ къ нимъ, а языкъ и образы невольно наводятъ на мысль, что авторъ не былъ чуждъ здѣсь вліянія Л. Н. Толстого, особенно въ описаніи дѣтскихъ лѣтъ вліянія его „Дѣтства и отрочества“. Въ виду столѣтія со дня рожденія Сперанскаго совѣтомъ университета поручено было А. В. прочитати на торжественномъ университетскомъ актѣ въ 1872 г. рѣчь, посвященную жизни и дѣятельности этого замѣчательнаго государственнаго челоуѣка. Эта рѣчь была напечатана затѣмъ въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и вышла и отдѣльнымъ изданіемъ подъ заглавіемъ „Государственная дѣятельность Сперанскаго“. На основаніи главнымъ образомъ извѣстной работы барона Корфа „Жизнь графа Сперанскаго“ авторъ далъ аудиторіи и затѣмъ читателямъ сжатое но полное изложеніе главнѣйшихъ моментовъ жизни и важнѣйшихъ актовъ дѣятельности создателя многихъ нашихъ высшихъ государственныхъ

учрежденій и нашей кодификаціи законовъ, особенно остававшаяся на реформахъ государственнаго строя.

А. В. было написано нѣсколько рецензій на различныя научныя работы и мелкихъ статей въ повременныхъ изданіяхъ. Мы упомянемъ лишь о наиболѣе замѣчательныхъ. Таковы рецензія его на извѣстную книгу Семевского „Крестьянскій вопросъ“ и рецензія на II-й томъ работы Семенова „Освобожденіе крестьянъ при Александрѣ II,“ за которыя онъ получилъ награды отъ академіи наукъ. Затѣмъ очень интересна его рецензія на книгу Назимова „Реакція въ Пруссіи“, гдѣ онъ, критикуя теорію государственныхъ переворотовъ, выставленную авторомъ, противопоставляетъ ей теорію переворотовъ Аристотеля, изложенную въ VIII книгѣ его „политики“. Здѣсь находится также очень интересная характеристика извѣстнаго германскаго ученаго и государственнаго дѣятеля Шталя. Рецензентъ, возражая г. Назимову, хочетъ реабилитировать своего бывшаго нѣмецкаго учителя, доказывая, что общая философская система этого ученаго, выраженная въ его, получившей міровую извѣстность „Философіи права“, была выработана имъ раньше начала его политической дѣятельности, а потому послѣдняя не могла оказывать на нее того вліянія, которое желаетъ ей приписать Назимовъ въ своей работѣ.

Наконецъ въ 1891 г. А. В. вмѣстѣ съ проф. Н. М. Цытовичемъ читалъ лекціи въ пользу голодающихъ, которыя затѣмъ были изданы отдѣльной книгой подъ заглавіемъ „Голода въ Россіи и Западной Европѣ и мѣры правительства противъ нихъ“. Здѣсь въ лекціи, читанной А. В. 1-го декабря 1891 г., имъ собрана масса историческихъ данныхъ по вопросу о нашихъ голодовкахъ, изложены и разобраны мѣры противъ нихъ принимавшіяся и результаты этихъ мѣръ.

По порученію Совѣта Университета Св. Владиміра А. В. были изданы собранія сочиненій его покойныхъ сослуживцевъ проф. Иванишева и проф. Незабитовскаго. Благодаря его усердной работѣ по собиранію и приведенію въ порядокъ немногочисленныхъ но весьма замѣчательныхъ трудовъ талантливаго юриста Незабитовскаго и выдающагося историка права Иванишева мы имѣемъ возможность знать ихъ, и наука наша не утратила драгоценные результаты ихъ таланта. Покойный А. В. очень цѣнилъ такое изда-

ніе работъ умершихъ учителей и товарищей. Можно надѣяться, что нашъ юридическій факультетъ предприметъ изданіе его сочиненій, ставшихъ уже теперь почти библиографической рѣдкостью, но, какъ работы историческаго характера, долго еще не потеряющихъ своего значенія. Посмертное изданіе трудовъ А. В. было бы тѣмъ болѣе интересно, что въ его бумагахъ могутъ быть еще не напечатанныя, но быть можетъ очень цѣнныя статьи, какъ это оказалось, на примѣръ, при изданіи работъ проф. Незабитовскаго. Въ автобіографіи своей А. В. упоминаетъ между прочимъ о томъ, что онъ много занимался одно время вопросомъ „Объ историческомъ развитіи личной зависимости“.—„Вышла цѣлая статья, которая и теперь сохраняется въ моемъ портфельѣ, говоритъ онъ, и которую не знаю, почему я не напечаталъ“.

А. В. выступалъ иногда съ статьями и замѣтками и въ повременныхъ изданіяхъ. Такъ, въ 1905 г. онъ напечаталъ въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“ нѣсколько статей подъ названіемъ „Голосъ стараго профессора“. Здѣсь онъ явился горячимъ сторонникомъ системы такъ назыв. университетской автономіи, той системы, при которой онъ одно время работалъ и плоды которой видѣлъ, системы университетскаго устава 1863 г. Въ 1909 году въ газетѣ „Новое Время“ появилась его замѣтка, написанная въ защиту научныхъ достоинствъ Кіевскаго университета и заслугъ его предъ Россіей и Юго-Западнымъ краемъ, а въ 1910 г. своимъ письмомъ въ ту же газету на имя извѣстнаго публициста Меньшикова онъ высказалъ свой взглядъ по такъ называемому „Финляндскому вопросу“, столь волновавшему тогда общество.

„Въ смутные годы, говоритъ некрологъ А. В. въ „Новомъ Времени“ отъ 26 августа, онъ съ выдающимся тактомъ умѣлъ сохранять стоящіе на высотѣ современности правовые и государственные взгляды, при совершенно отрицательномъ отношеніи къ крайностямъ, охватившимъ какъ учащуюся молодежь, такъ отчасти и профессуру. Въ трудныя и важныя минуты государственной жизни голосъ стараго кіевскаго ученаго бывалъ слышенъ и въ Петербургѣ. Его искали и къ нему прислушивались, какъ къ надежному и вѣскому авторитету“.

Что касается преподавательской дѣятельности А. В., то читая рядъ лѣтъ лекціи въ Кіевскомъ университетѣ по русскому государственному праву, онъ задумалъ издать систематическій курсъ

этого предмета. Но подобно современникамъ его—Андреевскому и Градовскому—своего курса онъ не закончилъ. Имъ было лишь издано два выпуска его подъ заглавіемъ „Пособіе для изученія русскаго государственнаго права по методу историко-догматическому“, въ которыхъ изложено было ученіе о Верховной власти въ Россіи и центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ. Къ разсмотрѣнію мѣстныхъ учрежденій онъ не приступилъ въ своемъ курсѣ потому что, какъ онъ объяснялъ самъ, ожидались реформы въ этой сферѣ. Такъ курсъ, въ свое время незаконченный, и не получилъ завершения. Вторая попытка изданія курса въ видѣ „Системы русскаго государственнаго права по методу историко-сравнительному“ также не была удачна; и эта система остановилась только на разсмотрѣніи Верховной власти и ея органовъ. Эти курсы покойнаго профессора теперь, конечно, во многомъ устарѣли. Исторія учрежденій въ курсѣ государственнаго права такъ подробно теперь не излагается, ибо ею занимается специально особая наука исторія права. Въ догматической части господствуютъ теперь иные методы, методы такъ назыв. формально-юридическаго направленія въ' государствовѣдѣніи, выдвинутые извѣстными современными нѣмецкими учеными Лабандомъ и Еллинекомъ на смѣну старыхъ соціологическихъ конструкцій Моля, Блунчли и Штейна, подъ вліяніемъ которыхъ стоялъ покойный въ своихъ работахъ. Но все же свое дѣло эти курсы его сдѣлали и въ свое время были очень полезны. Много они облегчили работу позднѣйшимъ изслѣдователямъ и при разсмотрѣніи отдѣльныхъ специальныхъ вопросовъ нерѣдко на нихъ ссылаются и теперь.

Авторъ являлся въ нихъ поборникомъ національной идеи и самодержавной власти монарха, давшего Россіи эпоху великихъ реформъ и освобожденіе крестьянъ. Онъ во многомъ находился подъ вліяніемъ идей славянофильской школы, но былъ болѣе либераленъ, чѣмъ она въ своихъ выводахъ. Сочувствуя введенію представительства народнаго въ русскій государственный строй въ послѣдніе годы, онъ стоялъ и послѣ за крѣпкую власть монарха и твердо національное направленіе государственной дѣятельности. Онъ былъ либераломъ 60—70-хъ годовъ. Заграницей его называли бы національ-либераломъ. Идя къ реформамъ, привѣтствуя самодѣятельность общества, онъ не забывалъ государственнаго начала и національнаго чувства. Рѣдкое явленіе въ теперешнюю эпоху

крайностей, когда либералы такъ часто ненаціональны, а національно настроенные люди нерѣдко являются противниками вообще движенія впередъ.

Увлекающійся, съ большимъ темпераментомъ А. В. былъ хорошей лекторъ. Иногда, сказать правду, онъ даже слишкомъ цвѣтисто выражался. Иногда мѣнялъ онъ воззрѣнія на тѣ или иныя событія, отношенія, явленія. Это не можетъ быть поставлено ему въ вину. Не ошибается—кто ничего не творить. Сознаніе въ заблужденіи, стремленіе лучше, яснѣе усвоить и сознательнѣе объяснить то или иное показываютъ лишь пытливость ума и стремленіе къ истинѣ въ противность болѣзненному самолюбію и сознанію непогрѣшимости. Но надо сказать, что въ выводахъ и взглядахъ своихъ онъ былъ всегда логиченъ.

Когда въ прошломъ году обрушился на него рядъ голосовъ якобы за оппортюнизмъ его въ финляндскомъ вопросѣ по поводу его письма къ Меншикову, гдѣ признавалась законность реформъ въ дѣлѣ объединенія Финляндіи съ Россіей, онъ гордымъ молчаніемъ далъ поводъ думать, что былъ не правъ. Но это было не такъ, и нашъ долгъ здѣсь указать истину. Присоединяясь къ заявленію Кіевскихъ профессоровъ о законности и возможности измѣненія отношеній Россіи и Финляндіи путемъ русскаго законодательства, онъ былъ совершенно логиченъ, онъ не противорѣчилъ самому себѣ, какъ казалось нѣкоторымъ, плохо знавшимъ его труды. На стр. 38 своей „Системы“ изд. 1899 г., по которой училось нѣсколько выпусковъ насъ, его слушателей, было сказано: „Императоръ Александръ III былъ глубокой патріотъ. Онъ совершенно правильно понималъ, когда рядомъ мѣръ желалъ окончательно связать Финляндію съ Россійской Имперіей“. „Было бы желательнымъ, чтобы Финляндія объединилась съ Россіей, но нынѣ она находится съ ней въ реальной уніи“. Итакъ реформа уже тогда была для него возможна и желательна. Онъ только иначе понималъ, чѣмъ Коркуновъ и новѣйшая школа связь Финляндіи съ Россіей, считая возможнымъ ее сравнивать съ реальной уніей и думая, что особое законодательство, сеймъ и свои высшіе правительственные органы въ Финляндіи не даютъ возможности конструировать ея положеніе, какъ положеніе простой губерніи. Но слишкомъ неумѣренную эту отчужденность отъ Россіи онъ считалъ вредной и желалъ ея прекращенія. Поэтому совершенно напрасно хотѣли бы нѣкоторые причислить

его къ разряду приверженцевъ финляндскаго сепаратизма. Таковымъ онъ никогда не былъ. Онъ, привѣтствовавшій паденіе зависимости русскаго народа отъ высшихъ его слоевъ, не могъ не сочувствовать надѣленію этого народа правами въ завоеванной кровью его предковъ землѣ. И его письмо къ Менъшикову, только неясно выразившее его слабѣвшія уже мысли, дало напрасно поводъ къ превратнымъ толкованіямъ его возрѣній. Въ основѣ онъ былъ, повторяемъ, въ этомъ вопросѣ совершенно логиченъ, совершенно правъ.

Много работая и любя свою науку, покойный научалъ любить ее и своихъ учениковъ. Многіе члены нынѣшняго юридическаго факультета являются такъ или иначе его учениками. Цѣлый рядъ профессоровъ государственнаго права, теперь занимающихъ кафедры въ разныхъ университетахъ Россіи, учился у А. В. По инициативѣ одного изъ нихъ, проф. государственнаго права въ Харьковскомъ университетѣ Н. И. Палиенко, покойный былъ избранъ почетнымъ членомъ этого университета.

А. Жилинъ.

00069214

ЮФ СПбГУ